

достояние языческого фольклора и христианства. Очень любопытно, что в этом последнем случае они выступают в творчестве Маяковского и Хлебникова в православном варианте, причем явно прослеживается связь их поэзии с обрядом (причастие, крестный ход, крещение). Это, кстати, заметил и Б. Пастернак: приведя цитату из пролога к трагедии «Владимир Маяковский» («Вам ли понять, почему я покойный...» и т. д.), он утверждал: «Нельзя отделаться от литургических параллелей. „Да молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом, ничтоже земное в себе да помышляет. Царь бо царствующих и господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным“. В отличие от классиков, которым был важен смысл гимнов и молитв... Блоку, Маяковскому и Есенину куски церковных распевов и чтений дороги в их буквальности, как отрывки живого быта, наряду с улицей, домом и любыми словами разговорной речи. Эти залежи древнего творчества подсказывали Маяковскому пародическое построение его поэм. У него множество аналогий с каноническими представлениями, скрытых и подчеркнутых. Они призывали к огромности, требовали сильных рук и воспитывали смелость поэта».³³ Здесь все правильно, за исключением следующего: Маяковский далеко не всегда пародиен, далеко не всегда заимствования из литургии он компрометирует пародией. И второе: к списку поэтов, приведенных Пастернаком, мы смело можем добавить Хлебникова.

³³ Борис Пастернак. Люди и положения. Новый мир, 1967, № 1, стр. 229.